

III. К столетию Гражданской войны в России (2)

Леонид Люкс

Гражданская война и социальная изоляция режима: почему большевики остались у власти?*

Государственный террор

Происшедшее в период военного коммунизма лишение русского общества свободы и его огосударствление, имевшие далеко идущие последствия, вызвало упорное противодействие населения. Опынение свободой, свойственное периоду между февральской и октябрьской революцией, еще долго сказывалось и многие годы доставляло большевикам большие проблемы. В отличие от Германии после прихода национал-социалистов к власти, тоталитарный режим в России был установлен не вследствие почти бесшумного покорения страны (*Gleichschaltung*), а после трехлетней гражданской войны. То обстоятельство, что захват большевиками власти 25 октября 1917 г. прошел так благополучно для них, еще мало говорил о действительном внутреннем состоянии российского общества. Его стремление к свободе тогда еще не было сломлено, существовал большой потенциал сопротивления.

Не в последнюю очередь по этой причине в уставшей от войны России сразу же после ее выхода из первой мировой войны могла начаться гражданская война, еще более жестокая, принесшая стране еще больше жертв, чем Первая мировая. Подавляющее большинство населения было во время гражданской войны настроено против большевиков, боролось с ними, или оказывало им пассивное сопротивление. Учитывая это обстоятельство, выживание режима кажется своего рода чудом. Тем более, что среди противников большевиков были и те слои населения, от имени которых они правили. Колыбель Октябрьской революции – Петроград – через несколько месяцев после захвата большевиками власти угрожал стать центром пролетарского сопротивления большевистской диктатуре и лишить ее важнейшей основы легитимности. Большую активность на петроградских фабриках и заводах развил независимый «Совет уполномоченных», органи-

* Расширенная версия главы моей книги *История России и Советского Союза: от Ленина до Ельцина* (РОССПЭН, М., 2009).

зованный в феврале-марте 1918 г. и снискавший значительную популярность в столице.

«Уполномоченные» критиковали курс большевиков – разгон Учредительного собрания, внешнеполитическую капитуляцию в Брест-Литовске. Они протестовали также и против катастрофы со снабжением. Переезд Совнаркома из Петрограда в Москву 10 марта 1918 г. был вызван, не в последнюю очередь, оппозиционными настроениями петроградских промышленных рабочих. Огосударствление хлебной торговли, объявленное большевиками 13 мая 1918 г., также вызвало протесты рабочих – в первую очередь Путиловских заводов. 1 июня 1918 г. «Совет уполномоченных» попытался организовать в Петрограде всеобщую забастовку и обратился к рабочим с такими словами: «Совет уполномоченных призывает рабочих Петрограда широко готовить рабочие массы к политической стачке против нынешнего режима, который именем рабочего класса казнит рабочих, ... не соблюдает свободу слова, печати, забастовок»¹. Однако не только в Петрограде, но и во многих других промышленных центрах, прежде бывших оплотом большевиков, рабочий класс все больше отдалялся от режима. Это отразилось весной 1918 г. на выборах городских Советов во многих областях России. Выборы, как правило, заканчивались поражением большевиков, которых опережали их противники-социалисты – эсеры и меньшевики.

Также успехи бывших союзников большевиков, левых эсеров, становились все большим вызовом режиму. С апреля по сентябрь 1918 г. этой партии удалось увеличить число своих членов с 62 тыс. до 100 тыс. чел. В то же время число членов большевистской партии не росло и оставалось на уровне около 300 тыс. чел.

В начале июля 1918 г. должен был состояться V Всероссийский съезд Советов, который формально был высшим органом власти в стране. Однако в преддверие съезда большевики вынуждены были констатировать, что им угрожает поражение, аналогичное их провалу на выборах в Учредительное собрание. Чтобы не дать политическим соперникам подчинить себя, ЦИК Советов, в котором преобладали большевики, 14 июня 1918 г. постановил исключить из Советов эсеров и меньшевиков. Это решение было основано на утверждении о том, что обе эти партии якобы участвовали в «организации вооруженных восстаний против рабочих и крестьян в союзе с открытыми контрреволюционерами»².

Большевики снова, как и при насильственном роспуске Учредительного собрания, доказали, что они не были готовы считаться с волей большинства. Они чувствовали себя ответственными не перед «колеблющимся» и «нерешительным» большинством, а перед историей – «единственно верной» марксистской интерпретацией исторических процессов. Силам, которые угрожали причинить вред их исторической миссии, даже если это были трудящиеся массы, от имени

¹ Pipes R. Die Russische Revolution. Berlin, 1992. Vol. 2. P. 379.

² Die Sowjetunion von der Oktoberrevolution bis zu Stalins Tod / Ed. H. Altrichter. Vol. 1. München, 1986. P. 69.

которых они правили, большевики объявляли непримиримую борьбу. «Революционный террор» они считали полностью легитимным средством создания нового «справедливого» мира, «без эксплуататоров и угнетателей».

Николай Бухарин в работе *Программа коммунистов* (1918 г.) писал, что большевики – не пацифисты и их целью никоим образом не является всеобщее разоружение. Они стремятся к разоружению буржуазии и вооружению пролетариата. Большевики неоднократно ссылались на тезис Маркса, что бесклассовое коммунистическое общество не может быть установлено сразу после свержения капиталистической системы. Смена одной общественной формации другой представляет собой длительный процесс. Временную форму государственности, которая должна была контролировать этот переход, Маркс определил как «революционную диктатуру пролетариата». Именно такую форму государственности большевики считали достигнутой после Октябрьской революции. Согласно Бухарину, диктатура пролетариата лишает буржуазных классовых врагов гражданских свобод, так как буржуазия злоупотребляет этими свободами, используя их в контрреволюционных целях.

Открытое признание большевиками террора, неуважение ими элементарных правил парламентаризма было камнем преткновения для демократически настроенных социалистических сил в России и во всем мире. Раскол международного рабочего движения, начавшийся летом 1914 г. с одобрения военных кредитов ведущими партиями II-го Интернационала, стал еще более глубоким после установления террористической власти большевиков. Особенно остро большевистскую систему критиковал Карл Каутский, один из ведущих теоретиков II-го Интернационала. В работе *Терроризм и коммунизм* он писал: «Только то обстоятельство, что большевизм чувствует себя среди народа в меньшинстве, объясняет, почему он так жестко не приемлет демократию... Большевики готовы, чтобы удержаться, сделать все возможные уступки *бюрократии, милитаризму, капитализму*. Но уступка *демократии* кажется им самоубийством»³.

На упрек Каутского в том, что большевизм все в большей степени приобретает милитаристские черты, большевики вовсе не возражали. Да, утверждал Троцкий, рабочие должны учиться обращаться с оружием, если они хотят утвердить свою власть. Ленин резко выступал против критики Каутского и оправдывал действия большевиков. Он представлял диктатуру пролетариата в качестве чуть ли не главного средства избавления человечества от «ига капитализма», единственного пути, который ведет к «отмиранию государства».

Официальная советская историография, считавшая Ленина олицетворением совершенства, старалась смягчить и придать относительный характер ленинскому признанию необходимости беспощадного террора. Культ Ленина, в особенности после смерти основателя советского государства в январе 1924 г., превратился в составную часть советской государственной доктрины. В соответствии с ней

³ Kautsky K. *Terrorismus und Kommunismus*. Berlin, 1919. P. 146.

Ленин был воплощением всех мыслимых добродетелей, источником вдохновения. Даже многие критически мыслящие советские интеллектуалы при упоминании имени Ленина впадали в восторг. Однако тот факт, что крайняя жестокость советской политики, систематический террор как основа основ режима, были непосредственно связаны с именем Ленина, плохо сочетался с приукрашенным образом большевистского вождя. Источники, в особенности документы, недавно ставшие доступными, не оставляют, однако, места сомнениям.

Когда II-й Всероссийский съезд Советов отменил вновь введенную Временным правительством смертную казнь, Ленин был возмущен этим. В воспоминаниях Троцкого содержатся такие ленинские слова: «Это безумие. Как же можно осуществить революцию без расстрелов? ... Какие же еще репрессивные меры остаются? Тюрьма? Но кто на нее обращает внимание во время революции, когда каждый надеется победить?»⁴. 1-го ноября 1917 г. Ленин добавил к сказанному, что «большевики были чересчур добродушны. А если бы буржуазия была победительницей, она бы поступила как в 1848 г. [когда было подавлено июньское восстание рабочих в Париже. – Л.Л.] или как в 1871 г. [когда была разгромлена Парижская Коммуна. – Л.Л.]»⁵.

22 ноября 1917 г. в России были учреждены революционные трибуналы, которые должны были судить «контрреволюционные» преступления. С 16 июня 1918 г. эти трибуналы могли также выносить и смертные приговоры. Так что настойчивое стремление Ленина возобновить смертную казнь не осталось безрезультатным. С другой стороны, для диктатуры пролетариата, как ее понимал Ленин, закон о смертной казни вовсе не был необходим, чтобы расстреливать «контрреволюционеров». Так как, согласно Ленину, диктатура революционного народа – это власть, не ограниченная никакими законами. Дмитрий Волкогонов в 1994 г. писал: «Ленин является не просто вдохновителем революционного террора, но и инициатором придания ему масштабного государственного характера»⁶.

Вновь и вновь Ленин критиковал отношение большевиков к своим противникам как нерешительное и слишком мягкое. Когда 20 июня 1918 г. в Петрограде нарком печати Володарский пал жертвой покушения, Ленин упрекнул членов Петроградского партийного комитета в нерешительной реакции на его смерть: «Тов. Зиновьев! [Г.Е. Зиновьев был председателем Петроградского комитета большевиков. – Л.Л.] Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере *рабочие* хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не Вы лично, а питерские цекисты [...]) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя [...] Террористы будут считать нас тряпками. Время архивое-

⁴ Trotzki L. Über Lenin: Material für einen Biographen. Frankfurt/Main, 1964. P. 96-97.

⁵ Ленин В.И. Неизвестные документы 1891-1992. М., 1999. С. 216.

⁶ Волкогонов Д. Ленин: политический портрет в двух книгах. М., 1994. Т. 1. С. 414.

ное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров»⁷.

Ленин постоянно призывал большевиков к более жесткому обращению с богатыми крестьянами – «кулаками». Так, в августе 1918 г. он предлагал наркомпроду Цюрупе: «[Взять] в каждой хлебной волости 25-30 заложников из богачей, отвечающих *жизнью* за сбор и ссыпку всех излишков»⁸. Аналогичное распоряжение он дал 20 августа 1918 г. местным советским властям округа Ливны: «Необходимо [...] конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, [...] арестовать заложников из богачей»⁹.

Убийство царской семьи в Екатеринбурге, где она находилась в ссылке с апреля 1918 г., было организовано по инициативе московского центра, не в последнюю очередь Ленина. Руководитель екатеринбургских органов чека Яков Юровский сразу же после расстрела царской семьи составил протокол, содержание которого недавно стало достоянием общественности. Юровский пишет, что 16 июля 1918 г. он получил телеграмму председателя Уральского Совета Голощекина, содержавшую приказ ликвидировать царскую семью. После чего Юровский собрал расстрельную команду из 12 человек, которую возглавил лично. Все члены этой команды, расстрелявшей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. царя, царицу, их пятерых детей и четырех сопровождавших их лиц, известны поименно.

Решение о ликвидации царской семьи было принято в Москве¹⁰. Сведения об этом содержатся в дневнике Троцкого. 9 апреля 1935 г. Троцкий сделал в нем запись о том, что в антибольшевистской прессе в настоящее время обсуждается вопрос об убийстве царской семьи. Выдвигается тезис, что Уральский Совет принял это решение самостоятельно. В действительности же дела обстояли совсем по-другому. Ленин считал, что «белые» не должны получить в свои руки столь важный козырь как Николай II. Далее Троцкий писал: «Казнь царя и его семьи была необходима не только для того, чтобы внушить страх врагам, ... но и для того, чтобы встряхнуть людей в своих рядах и показать им, что пути назад нет»¹¹.

Это аргументация никоим образом не убеждает. В 1918 г. царь уже больше не был символом. Опасность реставрации царизма была незначительной. Из-за всеобщего неприятия монархии даже и «белые» противники большевиков редко имели мужество открыто защищать монархические идеи. Это обстоятельство не осознается сегодняшними русскими монархистами. Они предаются мечтам о якобы глубоко укоренившейся в русском народе верности царю и тем самым становятся жертвой своей собственной легенды.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 412.

⁹ Там же. С. 413.

¹⁰ Там же. С. 364-386; Радзинский Э. Николай II: жизнь и смерть // www.radzinski.ru/books/; Pipes. Die Russische Revolution. P. 679-680; Heresch E. Nikolaus II. München, 1992.

¹¹ Trotzki L. Tagebuch im Exil. Köln, 1979. P. 113.

Большевистский террор приобрел систематический характер после неудачного покушения на Ленина, совершенного эсеркой Фанни Каплан 30 августа 1918 г. Ленин был ранен двумя пулями. Когда Каплан на допросе спросили о мотивах ее действий, она ответила: «Я считаю что [Ленин] предатель. Чем дольше он живет, тем дальше удаляет идею социализма. На десятки лет»¹². В тот же день в Петрограде был застрелен глава Петроградской чека Моисей Урицкий. Покушение на него, так же, как и покушение на Ленина, было делом рук эсера.

Оба эти покушения были использованы большевистским руководством как повод к принятию 5 сентября 1918 г. декрета «О красном терроре», который снижал печальную славу в истории советской системы. Так как раненый Ленин очень быстро поправлялся, некоторые авторы предполагают, что этот декрет появился не без помощи председателя Совнаркома. Декрет содержит следующие пассажи: «[При] данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью. [...] Необходимо] обеспечить Советскую Республик от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях. [...] Подлежат] расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»¹³.

«Ответственная» за революционный террор Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ЧК или ВЧК) превратилась в огромного молоха, монополизировавшего защиту режима от «внутренних врагов». Ленинское определение диктатуры «революционного народа» как власти, не ограниченной никакими законами, в отношении ВЧК особенно точно. О полноте власти ВЧК один из ее руководителей Ян Петерс писал: «ЧК полностью независима в своей деятельности; она проводит следствие, осуществляет аресты и казни, и подотчетна Совнаркому и ВЦИК»¹⁴. Попытки поставить ЧК под контроль советских органов юстиции были решительно отвергнуты председателем ВЧК Дзержинским: «Отдача ВЧК под надзор НКЮста роняет наш престиж, умаляет наш авторитет в борьбе с преступлениями, подтверждает все белогвардейские рассказы о наших "беззакониях"»¹⁵.

Ленин неоднократно брал ВЧК под защиту от становящейся все более острой критики. На собрании чекистов по поводу первой годовщины Октябрьской революции он сказал: «Обывательская интеллигенция [говорит об ошибках ЧК], не желая вникнуть глубже в сущность дела. Что удивляет меня в воплях об ошибках ЧК – это неумение поставить вопрос в большом масштабе [...] Вполне понятно примазывание к ЧК чуждых элементов. Самокритикой мы их отшибем. Для нас важно, что ЧК осуществляет непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, – нет»¹⁶.

¹² Волкогонов. Ленин. Т. 1. С. 395.

¹³ Волкогонов. Ленин. Т. 1. С. 411.

¹⁴ Pipes. Die Russische Revolution. P. 803.

¹⁵ Волкогонов. Ленин. Т. 1. С. 423.

¹⁶ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1958-1965. Т. 37. С. 173-174.

Однако не только «обывательская интеллигенция», но и многие старые большевики часто жаловались на скандальное поведение органов госбезопасности. Д. Гопнер, член Российской социал-демократической рабочей партии с 1900 г., в письме Ленину от 22 марта 1919 г. писал об «отчаянно преступной атмосфере, которая царит» в ЧК Украины. Гопнера возмущала «диктатура этого *официально* подчиненного учреждения», и проявляемое чекистами «полное игнорирование всех законов и распоряжений Правительства»¹⁷. Хотя Ленин и принимал к сведению эти жалобы – время от времени следовало наказание наиболее скомпрометированных чекистов – его в основном положительное отношение к чекистам оставалось неизменным. Ленин даже заявлял: «Хороший коммунист в то же время и хороший чекист».

«Красный террор» охватывал почти все слои российского населения. Но с особой жестокостью террор обрушился на представителей бывших «верхов» общества. После лишения их политической власти и экспроприации собственности происходила их частичная физическая ликвидация. Советская конституция 1918 г. лишила представителей так называемых «эксплуататорских классов» избирательного права, как активного, так и пассивного. Во время гражданской войны их снабжали хуже всех: они, как правило, получали продуктовые карточки низшей категории. Власти неоднократно облагали «представителей буржуазии» особым налогом – так называемой «контрибуцией». Так, в октябре 1918 г. они должны были выплатить государству 10 млрд. руб.¹⁸ В рамках трудовой повинности они часто привлекались к самым тяжелым и черным работам.

Среди важнейших составных частей «красного террора» было взятие заложников – произвольный арест людей, которых органы террора считали своего рода «человеческим залогом». В ответ на сопротивление режим нередко проводил массовые расстрелы заложников. К категории заложников, подлежащих казни в первую очередь, принадлежали представители ранее имущих классов.

Судьба свергнутых «верхов» на первый взгляд напоминает судьбу евреев в Третьем рейхе. И здесь прослеживается последовательное ужесточение мер преследования: лишение имущества, прав и достоинства, изоляция и, наконец, физическое устранение. Однако между этими двумя видами преследования существовало основополагающее различие. Конечной целью национал-социалистов, по крайней мере, после начала германо-советской войны, был тотальный геноцид, полное физическое уничтожение евреев, вне зависимости от их возраста, пола, религиозной или профессиональной принадлежности (Ванзейская конференция – январь 1942 г.). Поход большевиков против буржуазии и дворянства России был иного рода. Большевики пытались «расколоть» своих классовых врагов. Часть из них была уничтожена, другая же, напротив, использовалась режимом в своих целях. Сотни тысяч «буржуазных» специалистов работали в советских уч-

¹⁷ Большевицкое руководство: переписка 1912-1927. М., 1996. С. 80-81.

¹⁸ Pipes. Die Russische Revolution. P. 579.

реждениях и на предприятиях. Красная армия без «военспецов» – бывших офицеров царской армии – была бы небоеспособна. Их число в Красной Армии в 1919 г. составило 35 000, а в 1920 г. – уже 48 000. Кроме того, в Красную Армию из бывшей царской армии были призваны более 10 000 военных чиновников и около 14 000 военных врачей. Корпус командиров Красной Армии в 1918 г. на 75% состоял из бывших царских офицеров, а в 1921 г. их все еще было 34%¹⁹. Даже два первых верховных главнокомандующих Красной Армии – Йоахим Вацетис (1918-1919 гг.) и Сергей Каменев (1919-1924 гг.) были в царские времена старшими офицерами. Нельзя забывать и о том, что многие большевистские вожди, в том числе и сам Ленин, были буржуазного или дворянского происхождения. Так что политика большевиков по отношению к так называемым «классовым врагам» была более дифференцированной, чем политика национал-социалистов по отношению к евреям. Многие авторы, которые пытаются приравнять большевизм к национал-социализму, не учитывают это обстоятельство.

Среди тех групп населения, против которых с особенной жесткостью боролись большевики, были, наряду с дворянами и буржуазией, донские и кубанские казаки. Казаки, имевшие в царские времена многочисленные привилегии и служившие в элитных частях, весьма скептически отреагировали на установление большевистского режима. Большевики со своей стороны пытались расколоть казаков и апеллировали к «трудящемуся» казачеству с призывом признать советскую власть и выступить против контрреволюционных сил внутри казачества. Весной 1918 г. в казачьих областях Дона и Кубани были учреждены советские республики. В мае 1918 г. началась мобилизация казаков в Красную Армию. Но в этом деле большевики больших успехов не достигли. И. Сталин, в то время возглавлявший наркомат по делам национальностей (наркомнац), в середине 1918 г. находился на юге России. 22 июня 1918 г. он писал в Москву: «Знаете ли вы, что мобилизация казаков объявленная нами, сыграла с нами злую шутку, вооружив несколько тысяч казаков взявших у штаба артиллерию и прочее снаряжение, *ушедших* потом от нас и теперь лупящих наши отряды нашими же снарядами?»²⁰.

В сентябре 1918 г. советское руководство упразднило Донскую республику. Казачество как таковое все чаще объявлялось врагом советской власти. Этот непримиримый курс, который в первую очередь представлял Сталин, подвергался острой критике со стороны некоторых большевистских вождей. Так, один из военных руководителей большевиков Антонов-Овсеенко 17 октября 1918 г. призвал Ленина продолжать бороться за привлечение трудящейся части казачества на свою сторону.

Но так как казаки во все более ужесточавшейся гражданской войне в массовом порядке поддерживали противников большевиков, большевики стали проводить

¹⁹ Хромов С. и др. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия. М., 1993. С. 106; Altrichter H. Staat und Revolution in Sowjetrussland 1917-1922/23. Darmstadt, 1981. P. 183.

²⁰ Большевистское руководство. С. 41.

непримиримый антиказачий курс. 24 января 1919 г. ЦК большевиков решил «провести *массовый террор* против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное [! – Л.Л.] участие в борьбе с Советской властью»²¹.

В марте 1919 г., после начала большого восстания казаков, направленного против большевиков, советские органы террора с особой последовательностью начали выполнять январское решение. Карательный поход большевиков против казаков был прерван наступлением «белой» армии генерала А. Деникина, которая временно поставила под свой контроль почти все казачьи области юга России. После поражения Деникина в октябре 1919 г. массовое убийство казаков возобновилось. Французский советолог Николай Верт считает, что в 1919-1920 гг. на Дону и на Кубани было уничтожено или депортировано от 300 000 до 500 000 казаков при общей численности этой группы населения около 3 млн. чел²².

Особенно опасным вызовом большевикам во время гражданской войны была позиция самой большой группы населения страны – крестьянства. Большевистская политика «окружения деревни» после относительно хаотичной стадии, начавшейся в середине 1918 г. провозглашением продовольственной диктатуры и созданием «комбедов», в начале 1919 г. приняла систематический характер. 11 января 1919 г. был принят декрет о продразверстке – обязательных крестьянских поставках зерна государству. По этому декрету государство точно определяло свои потребности в хлебе. Каждый район должен был поставить государству определенное количество зерна и другого продовольствия. За срыв поставок крестьян жестоко наказывали. Возмущение сельского населения этой политикой было неизбежно. В марте 1919 г. в Поволжье, в районе Самары и Симбирска, началось большое крестьянское восстание, в котором по советским данным участвовало от 100 000 до 150 000 человек.

Другим крупным центром крестьянских восстаний была Украина. Наибольшую опасность для большевиков здесь представляла крестьянская армия анархиста Нестора Махно. Но и в других регионах России вспыхивали многочисленные более мелкие крестьянские восстания. Конечно же, в военном отношении плохо организованные и недостаточно вооруженные крестьяне (за исключением войска Махно) не имели шансов на успех в борьбе против органов террора и частей регулярной Красной Армии. Сопrotивление крестьян режиму было, прежде всего, моральным ударом для большевиков, за короткое время потерявших поддержку именно той группы населения, которая больше всего выиграла от Октябрьской революции («Декрет о земле»).

²¹ Там же. С. 110.

²² Werth N. Ein Staat gegen sein Volk: Gewalt, Unterdrückung und Terror in der Sowjetunion // Das Schwarzbuch des Kommunismus: Unterdrückung, Gewalt und Terror / Ed. S. Courtois et. al. München-Zürich, 1997. P. 117.

Не меньшей угрозой для режима была утрата доверия к большевикам той социальной группы, от имени которой они правили – промышленных рабочих. Протесты рабочих против диктаторских методов правления большевиков и против недостатков снабжения, проявившихся в первой половине 1918 г. и о которых уже говорилось, после официального провозглашения «красного террора» (5.9.1918 г.) не уменьшились. Ряд промышленных центров, в особенности весной 1919 г., был обхвачен забастовками. Бастовали рабочие Петрограда, Тулы, Астрахани и других городов. Протесты подавлялись большевиками с крайней жестокостью. В Петрограде были арестованы около 900 забастовщиков, из них 200 были казнены. В Туле 26 руководителей стачки были расстреляны. В особенности свирепо большевики расправились с рабочими Астрахани. Нижнее Поволжье имело для большевиков особенно важное стратегическое значение: оно отделяло друг от друга две Белые Армии, угрожавшие большевикам – с юга (Деникин) и с востока (Колчак). Не в последнюю очередь поэтому большевистские органы террора столь жестоко подавили восстание в Астрахани: число казненных повстанцев колеблется от 3000 до 5000 человек²³.

Таким образом, во время «красного террора» большевистский режим в принципе не принимал все слои населения России; он находился в глубокой социальной изоляции. Что же позволило большевикам выдержать эту изоляцию и, в конце концов, победить в гражданской войне? Одного лишь массового террора для этого было бы явно недостаточно. Успеху большевиков способствовали и другие не менее важные факторы. Например, их способность соединять строгую приверженность доктрине с поразительным чувством реальности. В этой связи характерно их отношение к частной торговле, а именно после ее огосударствления по декрету от 21 ноября 1918 г. Буквальное осуществление этого декрета наверняка привело бы к голодной смерти большинства населения. Так, в июле – сентябре 1918 г. свободная торговля покрывала 91% потребностей населения Москвы в хлебе. По разным оценкам, доля свободного, в принципе нелегального, «черного» рынка в снабжении горожан во время всей гражданской войны составила более 50%²⁴. Выживание городов было, в первую очередь, гарантировано тем, что большевики, неохотно, скрепя сердце, но все же допустили своего рода рынок. Тем самым они, по крайней мере, частично, ослабили социальное напряжение в городах, что облегчило им утверждение у власти. Итак, здесь большевикам помогла не их последовательность, а скорее их непоследовательность.

Также дело обстояло и в аграрной политике большевиков. Отмена частной собственности была одной из важнейших основ военного коммунизма. Лишь в одной области большевики затормозили свой натиск, направленный на тотальное огосударствление средств производства – в области крестьянского землевладе-

²³ Werth. Ein Staat gegen sein Volk P. 100-102; Павлюченков С. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 147-153.

²⁴ Altrichter. Staat. P. 107; Наше Отечество: опыт политической истории. М., 1991. Т. 2. С. 57-58.

ния. По «Декрету о земле» от 26.10.1917 г. вся земля была объявлена общенародной собственностью и передана крестьянам в «пользование». Первоначально, однако, эта национализация земельной собственности была лишь теорией, которая почти не касалась реальных отношений в аграрном секторе. Так в 1919 г., когда система военного коммунизма полностью утвердилась, около 97% всех используемых в сельском хозяйстве площадей находились в руках крестьян²⁵. Это положение было неприемлемо для ортодоксальных коммунистов. Обобществление земли они рассматривали в качестве неотъемлемой составной части новой экономической системы²⁶. Этой точки зрения придерживались тогда левые коммунисты, руководимые Н. Бухариным и Н. Осинским. (В середине 20-х годов Бухарин в корне изменил свои взгляды и превратился в главного защитника интересов крестьян в большевистской партии.)

Влиятельные силы внутри советского руководства, не в последнюю очередь сам Ленин, во время гражданской войны отклонили однако требования левых. Ленин и его единомышленники хотели отнять у крестьян так называемые «излишки», но не землю; тем самым они показали, что крестьянская психология была им знакома лучше, чем их левым критикам. Они знали, что любые попытки поставить под вопрос достижения земельной реформы Октября 1917 г. – а именно это собирались сделать левые коммунисты – многократно усилят сопротивление крестьян политике большевиков. Поэтому Ленин не хотел пока затрагивать этот слишком болезненный аспект аграрной политики.

«Красные» против «белых»

Когда большевики в январе 1918 г. разогнали Учредительное собрание с его не-большевистским большинством, они ясно дали своим противникам понять, что власть у них можно вырвать лишь силой. Тем самым гражданская война была уже запрограммирована. Так как большевики бросили вызов почти всем политическим силам страны, в конечном итоге и своим бывшим союзникам – левым эсерам, противники большевиков выступали под самыми разными знаменами. Так, партия эсеров, имевшая сильнейшую фракцию в разогнанном большевиками Учредительном собрании, пыталась вернуть на политическую сцену Учредительное собрание. Эту цель преследовал Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), учрежденный 8 июня 1918 г. в поволжском городе Самаре. Создание здесь антибольшевистского правительства было связано с одной из самых причудливых страниц истории гражданской войны в России – с антибольшевистским восстанием чехословацкого легиона. Этот легион подчинялся чехословац-

²⁵ Altrichter. Staat. P. 84.

²⁶ Pipes. Die Russische Revolution. P. 571-573.

кому национальному совету, стремившемуся к отделению Богемии, Моравии и Словакии от империи Габсбургов. Легион должен был сражаться на стороне России против Центральных держав. В 1914-1917 гг. чехословацкий легион был значительно усилен военнопленными чехами и словаками, попавшими на Восточном фронте в русский плен, и насчитывал, по разным оценкам, от 30 000 до 45 000 человек.

Когда Россия вышла из войны, чехословацкий легион должен был проследовать во Францию, на Западный фронт. Чтобы попасть туда, легион должен был сначала пересечь всю Сибирь в направлении Владивостока. При этом постоянно возникали конфликты с советскими властями, приведшие в конце мая 1918 г. к восстанию чехословаков. За короткое время чехословацкий легион, имевший около 9000 солдат и офицеров на Урале и 19000 бойцов в Сибири и на Дальнем Востоке, взял под свой контроль огромные территории от Пензы и Казани в Поволжье, до Владивостока. Здесь же возникли, сначала под защитой чехословацких штыков, антибольшевистские правительства, в которых сначала преобладали демократически настроенные силы, в первую очередь эсеры. Кроме уже упомянувшегося Комуча в Самаре, речь идет о Временном правительстве Сибири в Томске, а также о Временном правительстве Урала в Екатеринбурге. Эти правительства пытались продолжить демократическую фазу развития российской революции, насильственно прерванную большевиками. Реставрация старого, дореволюционного режима никоим образом не являлась их целью. Эти правительства аннулировали многие мероприятия большевистского режима, такие, как огосударствление промышленности, банков и частной торговли, однако они в основном придерживались «Декрета о земле». Даже «государственное знамя» Комуча было красным; тем самым Комуч хотел дополнительно подчеркнуть свою верность идеалам революции.

Тем не менее, сторонники демократических идеалов, так называемого «третьего пути», находились в тогдашней России в проигрышном положении. Радикализации большевиков соответствовала радикализация их противников. Радикальные противники большевиков, с презрением смотревшие на «мягкотелых» и «нерешительных» демократов, с осени 1918 г. стали все более доминировать в антибольшевистском лагере. «Красным» идеям они противопоставляли «белые». Главной целью «белых» было возрождение былого величия России, восстановление территориальной целостности великой Российской державы. Их девизом была – «единая и неделимая Россия». Большевистскому интернационализму они противопоставляли национальную патриотическую идею, а пропагандируемой большевиками классовой ненависти – идеал солидарности и сотрудничества всех социальных слоев для достижения общенациональных целей. «Белые» весьма скептически относились к демократическим экспериментам, которые, по их мнению, лишь разрушали страну. На вызов, брошенный большевиками России, мог-

ло, по их мнению, ответить только сильное государство, только военная диктатура.

«Белые» идеи были особенно притягательны для офицеров бывшей царской армии, но ими увлекались и многие интеллектуалы и политики, причем не только из лагеря правых, но и из либеральной партии кадетов. Из рядов кадетов вышли многие идеологи «белого» движения. Демократические группировки, только что проигравшие большевикам, столь же мало были способны противостоять «белым». Поправление в лагере противников большевиков наблюдалось уже во время Всероссийского государственного совещания, состоявшегося в сибирском городе Уфа в сентябре 1918 г., в котором приняли участие представители всех названных правительств, а также других антибольшевистских группировок. Совещание избрало Всероссийское временное правительство – директорию из пяти человек. Директория же все больше и больше попадала в зависимость от войск самого влиятельного «белого» военачальника адмирала Колчака. 18 ноября 1918 г. Колчак совершил государственный переворот, сверг директорию и провозгласил себя «Верховным правителем России».

Между тем гражданская война приобрела новые масштабы. Времена, когда небольшой чехословацкий легион был в состоянии легко, как бы играючи, побеждать войска большевиков, к осени 1918 г. уже прошли. Созданная 23 февраля 1918 г. Рабоче-крестьянская Красная армия, как она официально называлась, после примерно шестимесячного организационного периода превратилась в грозное оружие в руках большевиков.

Первоначально большевики мечтали о создании вооруженных сил нового типа: на демократической основе – с выборными командирами, с участием бойцов в принятии военных решений и т.д. От этих идеалистических представлений, как и от целого ряда других утопий, большевики отказались весной 1918 г. При создании вооруженных сил большевики также сделали ставку на специалистов, а не на революционных мечтателей. Структуры базисной демократии были заменены на централистские и иерархические. В марте 1918 г. в Красной армии были отменены выборы командиров. Правительство начало привлекать в командные структуры бывших царских офицеров. Горячим сторонником нового военного курса был Лев Троцкий, ставший в марте 1918 г. председателем Высшего военного совета, а в апреле – народным комиссаром по военным и морским делам. Курс Троцкого остро критиковала «военная оппозиция» внутри Красной армии.

Деятели этой оппозиции, имевшей влиятельного покровителя в партийном руководстве, а именно Иосифа Сталина, считали, что Троцкий недооценивает антибольшевистские настроения царских офицеров, лояльность которых по отношению к советской власти весьма сомнительна. В письме Троцкому и Ленину от 22 июня 1918 г. Сталин говорил о военных специалистах – «военспецах», как официально назывались бывшие царские офицеры, что они «люди мертвые и каби-

нетные», совершенно не приспособленные к гражданской войне²⁷. В письме Ленину от 3 октября 1918 г. Сталин называл «военспецов» «контрреволюционерами», которые «губят фронт». Предрасположение Троцкого к бывшим офицерам царской армии Сталин объяснял тем, что Троцкий не был старым большевиком и недостаточно усвоил основные положения большевизма о «классовых интересах пролетариата»²⁸.

Обращение Сталина к классовому инстинкту большевиков осталось тогда не услышанным. Троцкий мог праздновать триумф, так как его расчет в основном оправдался: мобилизованные «военспецы», как правило, верно служили новой власти. Перебежчиков было мало. Но большевики продолжали сомневаться в лояльности служивших им бывших царских офицеров. Партия хотела дополнительно подстраховаться. Не в последнюю очередь для этого 8 апреля 1918 г. был создан институт военных комиссаров. Комиссары определялись как «политический орган советской власти в армии»; к их главным задачам относилось осуществление политического контроля за деятельностью «военспецов».

Весной 1918 г., во время восстания чехословацкого легиона, в Красной армии насчитывалось около 300 000 солдат, из которых были вооружены лишь около 200 000. 29 мая была введена воинская повинность. В начале сентября был образован «Революционный военный совет республики» (Реввоенсовет), председателем которого был Троцкий. Реввоенсовет превратился в такое же гигантское учреждение, как и наркомпрод, ВСНХ (Высший Совет Народного Хозяйства) или ВЧК. Все вопросы ведения войны были переданы в ведение Реввоенсовета. В декабре 1918 г. Красная армия насчитывала 800 000 бойцов, в начале 1919 г. – уже в два раза больше (1 630 000), а в конце гражданской войны – 5,5 млн.²⁹, и это несмотря на то, что сотни тысяч призывников пытались уклониться от военной службы. Так, например, в 1919 г. число дезертиров составило 870 000 – 25% всех военнообязанных.

Осенью 1918 г. большевистское государство, до сих пор одерживавшее победы лишь в борьбе с собственным населением, стало побеждать и на внешних фронтах. В сентябре-октябре Поволжье, захваченное войсками чехословацкого легиона, было отвоевано Красной армией. 13 ноября 1918 г., через два дня после перемирия в Компьене, большевистское правительство аннулировало Брест-Литовский мирный договор и начало занимать территории западных окраин бывшей Российской империи, ранее контролируемые немцами. Летом 1918 г. большевистский режим контролировал лишь четверть территории бывшей Российской империи. Осенью 1918 г. начался процесс, который некоторые авторы называют «новым собиранием русских земель», на этот раз под властью большевиков. (Понятие «собираание русских земель» исторически связано с политикой Великих

²⁷ Большевистское руководство. С. 40.

²⁸ Там же. С. 52.

²⁹ Хромов. Гражданская война. С. 291-296; Altrichter. Staat. P. 179.

князей Московских, которые с XIV в. начали распространять свое покровительство на русские земли, раздробленные на многие княжества. Этот процесс завершился в начале XVI в.)

Лишь в начале марта 1919 натиск большевиков был остановлен начавшимся в Сибири наступлением «белой» армии адмирала Колчака. Через несколько недель Колчак достиг Поволжья. В мае 1919 г. с юга России в направлении на Москву началось наступление армии генерала Деникина. В это же время войска другой «белой» армии – генерала Юденича – наступали на Петроград. 24 мая адмирал Колчак, считавшийся высшим авторитетом «белого» движения, назначил генерала Юденича командующим вновь образованного Северо-западного фронта. 12 июня генерал Деникин вошел в подчинение «Верховного правителя России» адмирала Колчака.

Положение большевиков вновь стало критическим. Но и внешнеполитическая ситуация режима была не намного лучше. Государства Антанты, только что победившие мощную германскую военную машину, не желали идти ни на какие компромиссы с большевистской системой, представлявшей радикальную угрозу всему «капиталистическому» порядку. Победители в мировой войне были непримиримы по отношению к Москве еще и по той причине, что большевики, заключив сепаратный мир с Центральными державами, бросили западных союзников по Антанте на произвол судьбы. Так как казалось, что Антанта тогда контролировала почти весь мир, кроме России, ее силовой потенциал внушал большевикам еще большее уважение, чем в свое время могущество немецких генералов.

Подвергаясь внешне- и внутривосточной угрозе, большевики в середине 1919 г. находились, как тогда казалось, в чуть ли не безвыходной ситуации. Но через несколько месяцев, в октябре 1919 г., они сумели разгромить армии «белых» – Деникина под Орлом, примерно 350 км южнее Москвы, а Юденича – у ворот Петрограда. Еще в мае 1919 г. началось контрнаступление Красной армии на Восточном фронте, которое в начале 1920 г. привело к полному уничтожению армии Колчака. Большевики практически выиграли гражданскую войну.

Лишь на Крымском полуострове укрепились последняя большая армия «белых» – армия генерала Врангеля. Но в конце 1920 г. и этот последний бастион был взят большевиками. Остатки армии Врангеля вынуждены были покинуть Крым и эвакуироваться в Турцию. Те противники большевиков, которые не смогли бежать, пали жертвой оргии мести. Крымская трагедия является собой одну из самых кровавых глав «красного террора». Историк-эмигрант С. Мельгунов, написавший в 20-е годы классический труд по «красному террору», оценивает число казненных в конце 1920-го года в 50 000 чел. При этом историк добавляет, что по другим оценкам число жертв еще больше. Высокий большевистский функционер Султан Галиев, инспектировавший Крым весной 1921 г., в отчете, направленном Сталину, писал: «По отзывам самих крымских работников, число расстрелянных врангелевских офицеров достигает по всему Крыму от 20 000 до

25 000. Указывают, что в одном лишь Симферополе расстреляно до 12 000. Народная молва превозносит эту цифру для всего Крыма до 70 000. Действительно ли это так, проверить мне не удалось»³⁰.

И большевики, и «белогвардейцы» были воинствующими антидемократами, сторонниками диктатуры, действовавшими или от имени революции, или от имени России. Обе группировки в подвластных им областях силой подавляли политических противников и жестко пресекали любого рода политическое сопротивление. Мы уже подробно говорили о «красном терроре». Но был еще и «белый террор», направленный против большевиков и им сочувствующих. В занятых «белыми» областях имели место и еврейские погромы, жертвами которых пали тысячи человек. Однако надо сказать, что масштабы «белого террора» не могут сравниться с масштабами «красного». Он не носил систематического характера большевистских террористических мероприятий. При «белых» режимах речь, как правило, шла о военной диктатуре в традиционном смысле слова, о чрезвычайном положении в рамках традиционного государства, при «белом терроре» речь не шла также о создании с помощью насилия нового человека, а о возврате к старому порядку, о воссоздании ранее существовавшей, но временно распавшейся империи. Большевистский террор, напротив, выходил за рамки традиционной диктатуры, он был не авторитарным, а тоталитарным. Его целью было не преодоление анархии, не восстановление порядка, а создание новой, ранее не существовавшей реальности.

В обоих движениях речь шла о небольших, но «политически сознательных» группировках. Так, большевистская партия во время своего 8-го съезда в марте 1919 г. насчитывала 314 000 членов, а через год их было 612 000. Эти цифры соответствуют примерной численности бойцов «белых» армий. Весной 1919 г. в армии Колчака насчитывалось 400 000 солдат, у Деникина было около 100 000, а у Юденича – 18 000 (иногда называются и другие цифры, характеризующие силу «белых» армий)³¹.

Как большевики, так и «белогвардейцы» были каплей в человеческом море России, состоявшем из 150 млн. человек. По этой причине исход противостояния «красных» и «белых» в первую очередь зависел не от эффективности их террористических мероприятий, а от отношения большинства населения к «красным» и «белым», т.е. от позиции крестьянства. В этой связи следует отметить, что сначала часть крестьянства, разочаровавшись в большевиках, была готова поддержать «белых». Успех начавшегося в марте 1919 г. наступления Колчака был не в последнюю очередь связан с бегством солдат из Красной армии, состоявшей в основном из крестьян. Многих из этих крестьян удалось привлечь в армию Колчака.

³⁰ Павлюченков. Военный коммунизм. С. 224.

³¹ Хромов. Гражданская война. С. 193-194; Hildermeier M. Die Russische Revolution. Frankfurt/Main, 1989. P. 273-274; Altrichter H. Kleine Geschichte der Sowjetunion. München, 1993. P. 212.

Успехи Деникина весной и летом 1919 г. были связаны как с низкой боевой моралью солдат Красной армии, так и с антибольшевистскими настроениями крестьян. То, что дело в действительности обстояло именно так, представляли себе и некоторые большевики. Главный редактор правительственной газеты *Известия* Стеклов, выступая в середине 1919 г. на пленуме ЦК большевиков, заявил, что в чисто крестьянских губерниях советская власть «не имеет какой-либо социальной базы.... Среднюю массу и бедняков мы умудрились от себя отпугнуть и сколько бы мы не старались убедить крестьян, что только благодаря Советской власти (они получили) раскрепощение и политическое и экономическое, это не действует... Мобилизация и реквизиции производятся ежедневно, забирается все. Никогда, даже в злейшие времена царского режима не было такого бесправия на Руси, которое господствует в коммунистической Советской России, такого забытого положения масс не было. Основное зло заключается в том, что никто из нас не знает, что можно и чего нельзя... Террор господствует, мы держимся только террором»³². Тезисы Стеклова встретили решительный отпор, однако это столкновение мнений показывает, что во времена Ленина, даже на пике гражданской войны, в большевистской партии еще можно было свободно дискутировать.

Везде, где «белые» изгоняли большевиков и устанавливали свой порядок, сразу же начиналась их жесткая конфронтация с крестьянами: прежде всего потому, что «белые» не признавали большевистскую земельную реформу. Они зачастую пытались восстановить прежние отношения собственности в аграрной сфере и тем самым бросали крестьянам беспрецедентный вызов. С этого момента «белые» были обречены на поражение: неприятие крестьянами большевиков ни каким образом не означало, что они перестали верить в революцию, в революционный миф. Чувство ненависти к старому режиму во всех его формах оставалась самой главной эмоцией народных масс России. Все те политические группировки, на которые падало подозрение в намерении реставрации порядков, существовавших в стране до февраля, или даже до октября 1917 г., не имели шансов на победу в гражданской войне. Один из лидеров меньшевиков Федор Дан говорил в 1920 г., что крестьяне, несмотря на свое недовольство советской властью, любой ценой стремятся не допустить восстановления старого режима, который олицетворяли «белые». Это обстоятельство и предопределило победу большевиков³³.

В заключении следует указать на то, что своим успехом в гражданской войне большевики были не в последнюю очередь обязаны тому, что индустриально развитый центр России в основном был под их контролем. Они в итоге превзошли своих противников в области производства вооружений, несмотря на то, что «белые» армии имели значительную материальную поддержку со стороны Антанты. В связи с этим большевики имели стратегическое преимущество «по внутренней линии». Так как большевики контролировали центр страны, они смогли по от-

³² Наше отечество. Т. 2. С. 65.

³³ Там же. С. 67.

дельности разбить армии Колчака, Деникина и Юденича, действовавшие изолировано друг от друга на расстоянии тысяч километров.

Право наций на самоопределение – большевистские «прагматики» и «белые доктринеры»

При поисках ответа на вопрос о причинах победы большевиков в гражданской войне исключительно значение следует признать и за той позицией, которую занимали в гражданской войне нерусские народы, составлявшие более половины населения бывшей царской империи. В отношении нерусских народов к большевистскому режиму можно наблюдать эволюцию, аналогичную той, что происходила у социальных низов России. Эйфория по поводу вновь обретенной свободы постепенно сменилась разочарованием, когда выяснилось, что большевики понимают свободу иначе, чем они говорили о ней в своих обещаниях. Сначала национальные меньшинства рассматривали большевистскую «Декларацию прав народов России» от 2 ноября 1917 г. как свободу выхода из российского государства. На территории бывшей Российской империи возникло около 40 национально-территориальных образований. Казалось, что империи, столетиями создававшейся русскими царями, пришел конец.

Но вскоре выяснилось, что большевики понимают право наций на самоопределение не в «буржуазном», а в «пролетарском» смысле: они предлагали трудящимся, формально ставшим равноправными, народов революционный союз для борьбы против эксплуататорских классов своих стран. Так, например, 18 декабря 1917 г. советское правительство признало независимость Финляндии. Но уже через несколько дней, 22 декабря, нарком по делам национальностей Сталин высказал свое сожаление о том, что Совнарком предоставил свободу не представителям пролетариата Финляндии, а финской буржуазии. 15 января 1918 г. Сталин дополнил свое высказывание тезисом о том, что нужно учиться понимать право наций на самоопределение не как право буржуазии, а как право пролетариата.

В это же время Ленин обратился к украинцам: «Как украинцы вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протягиваем братскую руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии. Только социалистический союз трудящихся всех стран устранил всякую почву для национальной травли и грызни»³⁴. Когда Ленин сделал это предложение украинским трудящимся, войска большевиков готовились силой установить советскую власть на Украине. По Брест-Литовскому миру Красная армия должна была очистить территорию Украины, но сразу же после поражения

³⁴ Ленин. ПСС. Т. 35. С. 116.

Германии в Первой мировой войне большевики «вновь протянули братскую руку украинским рабочим» и за короткое время завоевали соседнюю страну.

Национально настроенные силы среди нерусских народов стали рассматривать большевиков как наследников русского царизма и упорно защищать свою вновь обретенную свободу от их попыток вновь «собрать русскую землю». Эти расхождения между большевистским режимом и нерусскими национальностями, которые все более углублялись, могли использовать в своих интересах «белые». Тем более, что армии «белых» действовали прежде всего на окраинах бывшей Российской империи, то есть именно там, где в основном и жили национальные меньшинства. Но «белые» не использовали свой шанс. Напротив, как сторонники «единой и неделимой России» они в области национальной политики были большими догматиками, чем большевики. Даже частичное, половинчатое и непоследовательное признание права наций на самоопределение, как это делали большевики, как правило, отвергалось ими. 5 июня 1919 г. Колчак дал отрицательный ответ на требование Антанты признать независимость Финляндии и народов Прибалтики и Закавказья. Лишь в качестве исключения «белые» признали ограниченный суверенитет Польши, да и то после колебаний³⁵. Это открытое признание «белыми» их имперских замыслов так разочаровало народы национальных окраин России, настроенные в основном антибольшевистски, что они в итоге стали рассматривать большевиков в качестве «меньшего зла». Аналогия с позицией русского крестьянства во время гражданской войны несомненна: они также считали большевиков «меньшим злом», так как последние, в отличие от «белых», не хотели восстановления порядков, существовавших до революции, на сей раз в аграрном секторе.

В отличие от своих «белых» противников, большевики выступали не за унитарное, а за федеральное государство. В этом они противоречили своей собственной программе, в которой речь шла об исчезновении наций и создании единой всемирной республики Советов. Однако, по мнению Ленина, эту цель можно было достичь поэтапно. Пока же большевики должны были начать с создания федеративного государства. Большевистские «пуристане», такие, как Бухарин, критиковавшие Ленина слева, считали такого рода уступку национальным устремлениям малых народов предательством марксизма. Национально ориентированные группировки «белых» также, со своей стороны, рассматривали превращение унитарной империи в федерацию как деградацию России.

Обе эти стороны, в отличие от Ленина, не распознали знака времени. Право наций на самоопределение, провозглашение которого во время Первой мировой войны играло скорее пропагандистскую роль, после распада в результате Первой мировой войны таких многонациональных империй как царская, Австро-Венгерская и Османская, стало одним из важнейших факторов, определявших новый европейский порядок. Это произошло не в последнюю очередь под влиянием

³⁵ Ullmann R.M. *Anglo-Soviet Relations 1917-1921*. Princeton, 1961. Vol. 2. P. 116, 219.

президента США Вудро Вильсона, последовательно отстаивавшего принцип национального самоопределения. Уинстон Черчилль, не разделявший восторги Вильсона в отношении малых народов, утверждал, что право народов на самоопределение сыграло в Версальской системе, созданной после первой мировой войны, центральную роль, аналогичную той, которую за сто лет до того играл принцип легитимизма для Венской системы международных отношений, учрежденной в 1815 г. державами, победившими Наполеона.

Стремление к большей самостоятельности охватило, конечно же, и народы Российской империи: восстановить империю в дореволюционном виде после ее частичного распада в 1917-1918 гг. было невозможно. Для того, чтобы выжить, центральная власть должна была учитывать новые тенденции к эмансипации. Уступки, в той или иной мере, национальным устремлениям малых народов России сделались неотвратимыми. Парадоксом истории является тот факт, что большевики, строго дисциплинированная и централизованная партия «нового типа», впервые в новейшей истории России в известной мере поспособствовали осуществлению принципов федерализма.

Уступка, сделанная большевиками в отношении малых народов империи, была, не в последнюю очередь, связана с их политическим кредо – интернационализмом. Прославление России и российского пролетариата было относительно чуждо большевикам на ранней стадии их развития. В мае 1919 г. Троцкий говорил, что в российском пролетариате нет ничего необычного и мессианского. В случае возможной победы социалистической революции в какой-либо высоко развитой промышленной стране Запада руководство мировой революцией, само собой разумеется, перейдет к рабочему классу этой страны. Идею национального величия России и территориальной целостности Российской империи отстаивали во время гражданской войны противники большевиков – «белые», что и сыграло для них роковую роль. Лозунг белых «За единую и неделимую Россию», превращенный в догму, не допускал возможности создания широкого антибольшевистского союза народов бывшей Царской империи.

Такой союз мог бы иметь для большевиков роковые последствия, прежде всего на западных окраинах бывшей империи. Сформированные здесь армии прибалтийских государств, но прежде всего – вооруженные силы Финляндии и Польши, превратились в важный военный фактор. Тесное сотрудничество этих государств с «белыми» армиями могло бы существенно повлиять на исход гражданской войны в России. Позже Ленин публично признал это³⁶.

Когда осенью 1919 г. генерал Деникин после молниеносных побед приближался к Москве, польская армия, насчитывающая 400.000 солдат, могла бы закрепить его успех и обеспечить поражение большевиков. Русский военный эксперт Какурин, а также и Михаил Тухачевский были единодушны во мнении, что при

³⁶ См.: Ленин. ПСС. Т. 39. С. 393-398.

поддержке поляков Деникин наверняка бы взял Москву³⁷. Деникин настоятельно просил основателя польского государства Пилсудского о помощи. Но Деникин никоим образом не был готов смириться с великодержавными планами Пилсудского. Притязания Польши на Литву Деникин считал психопатологической манией величия; он также не хотел отдавать полякам ни пяди украинской земли. Так что Пилсудский не собирался поддерживать «белых», которые в его глазах олицетворяли ненавидимую им царскую империю в еще большей степени, чем большевики. Он просто выжидал, чем закончится в России гражданская война. Финны и прибалты также заняли выжидательную позицию.

А между тем их активное вмешательство в гражданскую войну, прежде всего осенью 1919 г., когда «белые» войска под командованием Юденича наступали на Петроград, могло бы решительно повлиять на соотношение сил на севере России. Позже Ленин сказал об этом: «Было время, когда войска Юденича стояли в нескольких верстах от Петрограда, а Деникин стоял к северу от Орла, когда малейшая помощь им решила бы судьбу Петрограда в пользу наших врагов [...] Все давление Антанты обрушилось на Финляндию, [...] Финляндия в войну не вошла, и Юденич оказался разбитым, и Деникин оказался разбитым в такой момент, когда их совместная борьба, самым быстрым образом привела бы к решению всей борьбы в пользу международного капитализма»³⁸.

Так что политическая негибкость «белых» пошла большевикам на пользу. Большевики, в отличие от своих политических противников, были готовы, по крайней мере, на время, признать независимость тех провинций бывшей царской империи, завоевать которые у них пока не было сил. 31 августа 1919 г. большевики предложили Эстонии начать мирные переговоры. 11 сентября аналогичные предложения были направлены Финляндии, Латвии и Литве. С 9 октября начались переговоры с Польшей. 2 февраля 1920 г. большевистское правительство подписало мирный договор с Эстонией.

Совсем иначе большевики «решали» национальный вопрос в регионах, не находившихся в центре внимания мировой общественности, например, в Закавказье. Здесь советский режим отказался от видимости уважения им определенных «правил игры» в международных отношениях и с откровенным цинизмом не соблюдал права наций на самоопределение. Первой жертвой этой политики стал Азербайджан, имевший из-за своих нефтяных богатств особое значение для большевиков. Азербайджанская республика, которой с ее основания 27 мая 1918 г. управляла партия «Мусават» (равенство), с весны 1920 г. попала под все возрастающее давление со стороны большевиков. После победы над войсками Деникина на юге России Красная армия продолжила наступление в направлении на Кавказ. Ответственный за Кавказ представитель советского руководства С. Орд-

³⁷ Тухачевский М. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 114; Fisher L. The Soviets in World Affairs: A History of the Relations between the Soviet Union and the Rest of the World 1917-1929. Princeton, 1951. P. 238.

³⁸ Ленин. ПСС. Т. 39. С. 394.

жоникидзе в письме наркому иностранных дел Г. Чичерину от 23 апреля 1920 г. отмечал, что бескровная советизация Азербайджана весьма вероятна³⁹. 26 апреля 1920 г. 11-я Красная армия перешла азербайджанскую границу, а 28 апреля азербайджанские коммунисты, захватившие власть в столице страны Баку, обратились к Москве с призывом о помощи. Так как советские войска уже находились в стране, то эту просьбу несложно было выполнить.

Орджоникидзе хотел аналогичным образом поступить с Грузией и Арменией, которые, как и Азербайджан, в мае 1918 г. объявили о своей независимости. В Грузии управляли социал-демократы (меньшевики), а в Армении – национально ориентированная партия «Дашнакцутюн» (союз). 3 мая 1920 г. Орджоникидзе писал Ленину и Сталину: «События развиваются так, что не позже 15 мая надемся быть в Тифлисе»⁴⁰. Советизацию или «подрыв» Армении Орджоникидзе также считал вполне выполнимой задачей⁴¹.

Между тем кремлевское руководство должно было изменить свою политику в связи с начавшейся в конце апреля 1920 г. польско-советской войной. Сложности международного характера вынудили большевиков в большей степени учитывать общественное мнение Запада. Не в последнюю очередь поэтому Москва подписала 7 мая 1920 г. мирный договор с Грузией, по которому официально признавалась независимость Грузии. Большевики, действовавшие на Кавказе, были недовольны этим новым курсом, так как перспективы установления советской власти на всем Кавказе казались им весьма реальными. Они поддерживали пробольшевистские, антиправительственные выступления в Грузии и Армении, за что и подвергались резкой критике со стороны наркома по иностранным делам Чичерина. 22 июня 1920 г. Чичерин писал в политбюро: «Недисциплинированность бакинских товарищей и вопиющее противоречие между их действиями и установленной ЦК политической линией, заставляют принять меры для их обуздания ... В то время, как ЦК постановил вести линию компромисса с буржуазными правительствами Грузии и Армении, дипломатическим путем вырывать там почву из-под ног Антанты ... Бакинские товарищи своими действиями срывают компромиссы»⁴².

Через несколько месяцев, когда боевые действия в Польше завершились, Москва возобновила политику «собирая кавказских земель». В ноябре 1920 г. в Армении, а в феврале 1921 г. в Грузии власть перешла к Советам. События разворачивались по тому же сценарию, что был за несколько месяцев до того опробован в Азербайджане. Так большевики сумели в течение трех лет вернуть под контроль имперского центра отпавшие от России кавказские провинции. Аналогичная ситуация сложилась и в Центральной Азии. В апреле 1918 г. здесь была образована Туркестанская Советская республика, в состав которой вошла большая

³⁹ Большевицкое руководство. С. 121.

⁴⁰ Там же. С. 124.

⁴¹ Там же. С. 128.

⁴² Там же. С. 134-135.

часть центрально-азиатских владений бывшей Царской империи. В феврале 1920 г. большевики завоевали Хивинское ханство и в сентябре 1920 г. Бухарский эмират – бывшие вассальные государства царской империи. Наконец, на Дальнем Востоке в апреле 1920 г. советским руководством было основано полностью зависимое от Москвы марионеточное государство – Дальневосточная республика, которая 15 ноября 1922 г. вошла в состав РСФСР. Таким образом, большевики сумели поставить под контроль почти все территории бывшей Царской империи. В итоге лишь государства Балтии, Финляндия, Польша, Бессарабия и Северный Сахалин (до 1925 г.) смогли избежать «нового собирания русских земель» советским руководством.

В октябре 1917 г. большевики взяли власть в России – «самом слабом звене в цепи мирового империализма» – с тем, чтобы посредством мировой революции уничтожить всю эту цепь. Свою борьбу за власть в России они сначала рассматривали не как самоцель, а как средство достижения победы мировой революции. Они были убеждены в том, что без помощи революций в промышленно развитых странах большевистский режим в России не устоит в борьбе против «мирового капитала». Фактическое развитие событий в 1918-1920 гг. опровергло эти прогнозы и ожидания большевиков. Они смогли утвердить свою власть в России без прямой революционной поддержки с Запада, однако их власть ограничивалась страной, которую они сначала рассматривали лишь как трамплин для мировой революции. Так что большевики должны были во все большей степени приспосабливаться к внешнеполитическим и геополитическим обстоятельствам, сложившимся в управляемой ими стране. Поэтому внешняя политика советского государства приобрела в высшей степени амбивалентный характер. С одной стороны, Москва была столицей великой державы, а в то же время с другой – центром мирового коммунистического движения и победившей пролетарской революции.

Конечно же, акценты в советской внешней политике с течением времени смещались. Постепенно страна стала возвращаться к традиционной великодержавной политике и подчинять стратегию мирового коммунистического движения интересам советского государства. Однако элемент мировой революции никогда полностью не исчезал из советской внешней политики. Напряжение между этими двумя полюсами, наличие двух линий в советской внешней политике сохранялось практически до распада СССР.

Именно эта биполярность советской политики часто затрудняла внешним наблюдателям ее объективную оценку. Это обстоятельство не в последнюю очередь характеризовало отношение к большевикам некоторых национально настроенных кругов из антибольшевистского лагеря, которые после поражения «белых» в гражданской войне были готовы капитулировать перед большевиками из «благодарности» за почти полное восстановление советским руководством территориальной целостности российского государства. Тем самым, считали представители этих кругов, «белые идеалы» по крайней мере косвенно победили.

Большевики начали свою политическую карьеру как воинственные противники русского государства, как сторонники его дезинтеграции. Но в итоге они оказались его спасителями и восстановителями. Так что большевистское государство по форме, внешне, было «красным» – революционным и интернациональным. Внутренне же, по содержанию, оно являлось, якобы, «белым» – патриотическим и национальным. С особой настойчивостью этот тезис представляло движение «Смена вех», возникшее в начале 20-х годов в русской эмиграции. Николай Устрялов, самый значительный представитель этого движения, которое позже получило название «Национал большевизма», в феврале 1920 г. писал, что как это ни парадоксально звучит, но объединение России свершается под знаком большевизма. Революция из фактора, вызвавшего распад империи, превратилась в созидательную национальную силу, объединяющую Россию⁴³.

Произошла в самом деле парадоксальная смена ролей большевиков и их «белых» противников. «Белые», борясь против большевиков, стремились с помощью иностранных держав восстановить великую и могучую Россию в ее прежних границах. Большевики же, допустившие беспрецедентное унижение страны Брест-Литовским миром, опирались в своей борьбе против «белых» армий и иностранных интервентов почти исключительно на силовые резервы России. Так что большевики казались не только защитниками «завоеваний революции», но и защитниками интересов русской нации. В опубликованной в 1926 г. программе возникшего в эмиграции (1921 г.) движения «Евразийцев» высказывалось мнение, что русский народ использовал большевизм для спасения территориальной целостности России и восстановления ее державного величия⁴⁴.

Все эти высказывания свидетельствуют о глубоком непонимании большевизма, его двуликости и биполярности. Большевизм был в одно и то же время национальным и интернациональным, партикулярным и универсальным, но ни с одним из этих полюсов он не идентифицировал себя полностью. Большевизм склонялся к тому, чтобы использовать как национальные, так и революционные течения. Поэтому он вынуждено разочаровывал своих союзников, с одной стороны, упрекавших его в предательстве интересов нации, а с другой – в измене целям мировой революции.

⁴³ Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин, 1927. С. 5 и сл.

⁴⁴ Евразийство: опыт систематического изложения. Париж, 1926. С. 6.

«Военный коммунизм»: крах эксперимента

Крайне жестокая система военного коммунизма, вероятно, помогла большевикам одержать победу в гражданской войне. Но сразу после этой победы появились новые, не менее опасные для власти проблемы. Продолжение прежнего, в высшей степени репрессивного курса нельзя было уже ничем оправдать. Назревающий новый кризис партия сначала попыталась предотвратить с помощью ужесточения старых военно-коммунистических методов. К их числу, прежде всего, принадлежала концепция милитаризации труда, развитая Троцким. Армии гражданской войны должны были после победы над внутривластными врагами превратиться в трудовые армии. Таким путем большевики стремились остановить развал транспорта, экономики и механизмов снабжения. В январе 1920 г. на Урале из частей Красной армии была создана «Первая революционная трудовая армия». Весной 1921 г. почти четверть красноармейцев была занята восстановлением разрушенного хозяйства и транспорта. На заседании ВЦИК Советов в феврале 1920 г. Троцкий назвал «разговоры о свободном труде» реликтом буржуазных времен и открыто признал, что советское государство базируется на принуждении к труду⁴⁵.

Но превращение солдат в рабочих представляло собой лишь одну сторону ужесточавшегося военно-коммунистического курса, так как в то же время и рабочие, с которыми обращались как с солдатами, должны были подчиняться военной дисциплине. Троцкий в апреле 1920 г. на третьем съезде профсоюзов поучал критиков этих новых тенденций, которые заявляли о непродуктивности принудительного труда: «Говорят, принудительный труд не продуктивен. Это означает, что вся социалистическая экономика приговорена к тому, чтобы выбросить ее за борт, так как иного пути осуществления социализма, как с помощью использования всей рабочей силы по команде из единого хозяйствующего центра, использования рабочей силы в соответствии с требованиями национального хозяйственного плана, нет»⁴⁶.

Это представление о принуждении как об универсальном средстве решения всех проблем было не личным мнением Троцкого, а позицией влиятельных сил в партии, не в последнюю очередь и точкой зрения Ленина. Эти силы и после победы в гражданской войне не хотели расставаться с политикой военного коммунизма. Если они и говорили о реформах, то лишь внутри этой системы. Проекты, исходившие из необходимости ослабления продовольственной диктатуры и хотя бы частичного восстановления рынка, Ленин громил со всей присущей ему страстью. Парадоксальным образом один из проектов ослабления режима военного коммунизма принадлежал Троцкому, несмотря на то, что он был апологетом принуждения. В марте 1920 г. Троцкий направил записку в ЦК, в которой он реко-

⁴⁵ Павлюченков. Военный коммунизм. С. 93.

⁴⁶ Там же; Pipes. Die Russische Revolution. P. 611.

мендовал восстановить рыночные механизмы, по меньшей мере, в тех районах, где производится зерно. Этот документ отражает сложность и противоречивость личности Троцкого и его политической программы. Ленин и большинство ЦК категорически отклонили эти предложения Троцкого, так как они содержали неприемлемые для них «рыночные» установки⁴⁷.

Между тем протесты населения против политики военного коммунизма становились все интенсивнее. Крестьянские восстания, прежде всего в Сибири, в центре России и на Украине достигали размаха новой гражданской войны. Количество повстанцев в Сибири во много раз превосходило число красноармейцев, брошенных на их подавление. Секретарь Сибирского бюро ЦК партии большевиков Данишевский вспоминал, что делегаты X-го съезда РКП(б), проходившего в Москве в марте 1921 г., ехали через всю страну вооруженными до зубов, чтобы быть в состоянии отразить возможные нападения восставших крестьян. Особым вызовом режиму явилось крестьянское восстание в Тамбовской губернии под руководством Александра Антонова, который с 1906 г. был членом партии эсеров. К началу 1921 г. крестьянская армия Антонова насчитывала почти 40 000 бойцов. Главнокомандующий советскими вооруженными силами Сергей Каменев 17 февраля 1921 г. писал, что крестьянские волнения (на официальном языке называемые «бандитскими восстаниями») в январе 1921 г. достигли угрожающих существованию советского государства размеров. Требуется применение регулярных армейских частей, сконцентрированных для подавления восстаний. Местные вооруженные силы не пригодны для решения этой задачи.

Упрямая реальность начала все сильнее сотрясать доктринальное здание государства большевиков. В начале февраля 1921 г. партийное руководство было готово заменить продрозверстку натуральным продналогом, т.е. частично восстановить рыночные механизмы, прежде всего – в Тамбовской губернии, больше всего пострадавшей от восстания. Но эта вынужденная ревизия прежнего курса была недостаточна для преодоления глубочайшего кризиса в истории большевистского режима. Последнее предупреждение пришло 1 марта 1921 г. из морской крепости Кронштадт под Петроградом, которая с 1917 г. считалась самым прочным бастионом революции. Однако после победы большевиков в гражданской войне этот «самый прочный бастион революции» под лозунгами советской демократии поднялся против диктатуры большевиков. В воззвании повстанцев к населению можно было прочесть такие слова: «Товарищи ... Неужели вы будете терпеть и гибнуть под гнетом насильников. Долой комиссародержавие! ... Когда ... Кронштадтцы потребовали переизбрания Советов, свободных от партийного давления, новоявленный Трепов – Троцкий отдал приказ "патронов не жалеть". ... Труженик, разве для того ты свергнул царизм, сбросил керенщину, чтоб посадить себе на шею Малют Скуратовых с фельдмаршалом Троцким во главе. Нет! Тысячу раз нет! ... Да будет проклято ненавистное иго коммунистов! Долой партий-

⁴⁷ Павлюченков. Военный коммунизм. С. 94.

ный гнет! Да здравствует власть рабочих и крестьян! Да здравствуют свободно избранные Советы!»⁴⁸.

Еще во время восстания в Кронштадте, выступая на X съезде РКП (б), Ленин заявил, что диктаторские меры в экономике были оправданы лишь во время гражданской войны. Но гражданская война закончилась и, следовательно, продолжение этой политики более не приемлемо. Эта политика не принимается большинством населения России – крестьянством. В речи были обозначены основы Новой экономической политики, ядром которой было освобождение крестьян от системы государственного принуждения. Ленин выразился так: «Мы должны понять те экономические формы возмущения мелкой сельскохозяйственной стихии против пролетариата, которые обнаружили себя и которые обостряются при настоящем кризисе ... Пока мы [крестьянство] не переделали, пока крупная машина его не переделала, надо обеспечить ему возможность свободы хозяйничать»⁴⁹.

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина

⁴⁸ Кронштадт 1921. М, 1997. С. 135.

⁴⁹ Ленин. ПСС. Т. 43. С. 28-29.